

является и следующая цитата: «Ведь для полноты жизни человека, которая называется счастьем, недостаточно материального благополучия и физического здоровья. Высшие радости жизни – это радости духовной жизни. Но восприятие и понимание последних прямо пропорционально степени развития сознания. Улучшение материального положения масс должно сопровождаться развитием их сознания, их духовной жизни» [1, с. 7].

Восточная философия учит практическому пути достижения индивидуальной счастливой жизни. В этой связи показательна следующая цитата: «К счастью можно прийти двумя путями. Первый путь – внешний. Приобретая лучшее жилище, лучшую одежду, более приятных друзей, мы можем в той или иной степени обрести счастье и удовлетворение. Второй путь – это путь духовного развития, и он позволяет достичь счастья внутреннего. Однако эти два подхода не равноценны. Внешнее счастье без внутреннего не может длиться долго. Если жизнь рисуется вам в чёрных красках, если вашему сердцу чего-то недостает, вы не будете счастливы, какой бы роскошью себя ни окружили. Но если вы достигли внутреннего спокойствия, то можете обрести счастье даже в самых тяжелых условиях» [2, с. 3].

Порой люди в современном алчном мире в погоне за внешним счастьем, не хотят обращать внимания на внутреннее счастье. А ведь начать нужно именно с него. Нужно в этой нескончаемой гонке за материальным аспектом счастья стараться делать остановки, как городской транспорт по ходу движения, пытаться видеть замечательные вещи.

Литература

1 Тугаринов, В. П. Философия сознания (современные вопросы) / В. П. Тугаринов. – М.: Мысль, 1971. – 201 с.

2 Далай-лама XIV. Два пути к счастью // Буддийская практика: Путь к жизни, полной смысла / Далай-лама XIV. – М.: София, 2007. – 208 с.

А. В. Чепрунова

*Науч. рук. В. О. Гончар,
канд. ист. наук, доцент*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕРЕВНИ В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Этничность востребована сегодня обществом не только как музейный экспонат, а как живая культурная традиция во всех её проявлениях – от фольклора до национальной кухни. Поэтому сегодня особую популярность приобретает вид туризма, связанный с посещением существующих поселений, сохранивших особенности традиционной культуры и быта определенных народов. В связи с этим, быстро развивающимся явлением в культурном и туристическом пространстве России стали этнографические деревни малых народов России, которые создаются по инициативе местных сообществ и муниципалитетов [1, с. 8].

Основное отличие этнографических деревень малых народов от этнографических парков и региональных этнографических музеев под открытым небом в том, что в качестве этнического объекта в них обычно выступает музейный экспонат или культурная традиция одного народа.

Для воссоздания атмосферы, присущей в оригинальном поселении, где проживает этнос, необходимо моделирование не только материальной составляющей – природного ландшафта, планировки селения, архитектуры, элементов традиционной хозяйственной деятельности, сельскохозяйственной и промысловой, но и формирование духовного компонента. Это может быть реализовано посредством проведения культурных мероприятий, посвященных духовной культуре (например, фольклору) соответствующего этноса.

Таким образом, традиционная живая культура малых народов составляет уникальный культурно-исторический потенциал этнографических деревень, а богатейший природный потенциал территорий, на которых расположены этнографические деревни, обеспечивает неисчерпаемые возможности для развития не только этнографического туризма, но и для сопутствующих ему видов, например, экологического, экстремального, спортивного, а также таких видов активного отдыха, как для охоты, рыбалки. Создание этнических деревень может благотворно влиять и на сами коренные народы, поскольку актуализирует сохранение ими своего культурного наследия.

Литература

1 Калуцков, В. Н. «Этническая деревня» – новый тип культурного ландшафта / В. Н. Калуцков, А. Ю. Латышева // Теория и практика планирования культурного ландшафта: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 2010. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. – 2010. – С. 7–15.

М. М. Шнет

*Науч. рук. А. М. Кротов,
канд. ист. наук, доцент*

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИЙСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО РЕФОРМАТОРСТВА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА 2-Й ПОЛОВИНЫ XIX В.

Во второй половине 19 в. в Индии общественно-политические идеи зачастую принимали форму реформаторских и сектантских учений.

Значимым религиозно-реформаторским движением был брахмоизм. Брахмоисты были важной силой социального реформаторства, содействуя своими кампаниями и мероприятиями изменениям в общественном сознании и законодательному оформлению авторских реформ [1, с. 448].

Религиозно-реформаторские общества «Арья самадж» и «Сингх Сабха» сыграли важную роль в просветительской деятельности на Севере Индии. «Арья Самадж» стало первой массовой религиозной индусской организацией, охватившей к началу 20 в. около 100 тыс. человек, а «Сингх сабха» руководило сикхской общиной на протяжении почти полувека после своего создания. Оба общества способствовали расширению сети учебных заведений европейского типа, занимались благотворительностью, способствовали развитию местных языков [1, с. 449–450].

Просветитель Свами Вивекананда стал саньяси нового типа, для которого общественная деятельность была приоритетнее, чем религиозное учение. Главным его начинанием стала «Миссия Рамакришны», которая способствовала открытию ряда школ, больниц, организации лекций и проповедей Вивекананды. Его религиозное учение стало развитием идей Рамакришны и их творческое преобразование [2, с. 72].

Мусульманское просветительство во второй половине 19 в. было направлено против мусульманского общинного консерватизма в общественной и повседневной жизни, на приспособление ислама к актуальным на тот момент нуждам и ценностям общества, очищение его от средневековых пережитков.

Тем не менее, с развитием общественной мысли и активизацией индийских националистических общественно-политических организаций самостоятельная роль религиозно-реформистских сект и обществ постепенно снижалась, уменьшалось их влияние и в среде интеллигенции.